

Александр Райн

16+

Александр Райн
Наизнанку

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Райн А. ..

Наизнанку / А. .. Райн — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Мы привыкли к обыденности и серости окружающего нас мира и совершенно забыли, что у него может быть своя изнанка. Мои герои — это те невидимые духи, что живут внутри каждого из нас и просятся наружу. Они будут вашей грустью, вашей улыбкой, вашей надеждой, а быть может — и вашим отражением. Пройдите вместе с ними их путь, посмотрите, как они справляются с выросшими на пути сложностями и, возможно, эти порой фантастические решения станут вашим собственным спасительным крючком, что зацепится за душу и вывернет её наизнанку. Лучшие 19 рассказов за первую половину 2020 года. В них есть всё: радость и печаль, смех и слезы, гнев и благодарность.

© Райн А. ..., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Александр Райн Наизнанку

Деда Паша

– Здравствуйте, а деда Паша выйдет? – интересовался звонкий детский голос в домофонной трубке.

– Дети, оставьте вы его в покое, он уже старенький, у него ноги больные и... – Даша не успела договорить, так как трубку из её рук вырвал отец, от которого пахло пеной для бритья, крепкими сигаретами и чипсами.

– Васян, я сейчас мяч с балкона брошу, вы пока разделитесь, а я через пять минут буду. Деда Паша повесил трубку и пошел на балкон, чтобы сбросить футбольный мяч.

– Пап, ну сколько можно? Тебе 70, а не 14, – причитала дочь, глядя на то, как старик натягивает гетры и меняет футболку с надписью «Iron Maiden» на футбольную форму Барселоны.

– Вот именно! Я старше этих сосунков, а значит, опытнее. Моя команда всегда побеждает!

– Ну почему ты просто не можешь сесть перед телевизором и смотреть передачи про здоровье и политику?

– Про здоровье это ты мужу своему посоветуй посмотреть, он с дивана уже третий день встать не может. Несмотря на то, что питается одними энергетиками и куриными крыльями. По всем законам физики он уже должен был взлететь!

– Я всё слышу! – раздался крик из зала.

– Хорошо хоть слышит, я как-то решил посмотреть с ним эту чушь, где все орут и выясняют, у кого санкции длиннее, так мне из Перми друг позвонил, попросил телевизор потише сделать.

– Ну ты хотя бы одень свой собачий пояс!

– Пацаны не поймут! Псом кличить будут!

– Так, я не поняла, это у тебя сигареты в гетрах?

– Не-е-е, это поролоновый амортизатор, чтобы ноги мячом не отбить.

– А ну покажи!

Дед закатал гетры и наружу показался ряд сигаретных фильтров.

– Я же говорю, амортизатор.

– Ты что, от рака лёгких умереть хочешь?

– Да это не мои! Вадян с первого подъезда просил у себя подержать, а то его мамка гулять не выпустит!

– Ты таблетки пил?

– Нет, у меня от них волосы выпадают.

– Так ты же лысый!

– А я о чем тебе говорю!

– Чтоб я тебя в нападении не видела! Стой на воротах!

– Что-то я не помню, чтобы Месси на воротах стоял! – показал дед на фамилию, написанную у него сзади на футболке.

– Да плевать мне, где твой Месси стоит, на его зарплату можно биопротезы поставить, и все органы поменять, а на твою пенсию поменяешь только батарейки в тонометре и фильтр в чайнике.

Деда Паша фыркнул, а затем залез на стул и стал рыться в антресоли в поисках вратарских перчаток.

– И чтоб никаких кошек и собак домой не тащил! – строго сказала Даша, скрестив руки на груди.

– Между прочим, дворовые псы – самые преданные! – обиженно заявил деда Паша и принялся натягивать бутсы.

– У нас же есть Костик, почему ты с ним не гуляешь? – показала она на чихуахуа, дрожавшего на стуле и не знавшего, как оттуда спуститься.

– Чтоб его опять голуби утащили?!

Даша закатила глаза.

– И чтобы дома не позднее десяти! – строго сказала дочь, расчехляя тот самый прибор для измерения давления.

– Так сейчас же лето! Каникулы!

– У тебя круглый год каникулы, ты что, забыл?

– Так это у меня, а у пацанов-то школа! С кем я буду потом в футбол гонять и на рыбалку ходить? А костры жечь? В десять часов самое интересное начинается, мы шалаш за дорогой построили и в казаков-разбойников в сумерках – самое оно играть!

– Позвони своим ровесникам. Встреться с ними. На рыбалку сходите.

Дед махнул рукой, а вторую подал для измерения давления.

– С этими пердунами каши не сваришь! Они в своих «Одноклассниках» целыми днями ноют, как прекрасно было 200 лет назад, и водку валидолом запивают. С таким на речку пойдешь – лопату брать придется.

– Червяков копать?

– Скорее – кормить!

Тут деда Паша словил подзатыльник за свой черный юмор и был выслан за дверь.

– Пап, давай там аккуратнее, я ведь волнуюсь!

– А ты, дочь, не волнуйся, состаришься рано. Я тебе, между прочим, год назад велосипед подарил, а ты его на балкон убрала.

– Ой, пап, не до велосипедов мне. Работа и...

– Да-да, не волк, знаю. Ладно, побежал я, а то там уже разводят, наверно...

Дочь смотрела на убегающего по лестнице старика и не могла поверить, что пять лет назад врачи дали ему срок два месяца. В её ушах до сих пор стоят его слова: «Пока с Кипеловым не спою, хрен вы меня похороните».

Чудодейственная программа

Настрой у Тани был не ахти с самого утра. Виной был внезапно разбитый фарфоровый чайник, который она очень любила. Но больше всего обидно было оттого, что разбит он был о голову Гриши, наставившего Тане рога.

– Почему рога-то? Их же только мужикам наставляют, – интересовалась она со слезами на глазах у Любы, своей подружки по офису.

– Ну, а нам тогда что наставляют? – спрашивала Люба ртом набитым кексами, от которых по всему столу валялись крошки. – Не знаю, может, хвосты?

– Чушь какая-то, – теперь уже Люба хлюпала холодным кофе, который заварила ещё полчаса назад и благополучно про него забыла.

Таня тяжело вздыхала и без конца запускала руку в ящик стола, чтобы достать оттуда очередную горсть таблеток пустырника.

– Да что ты, в самом деле, себя этим козлом изводишь? Можно подумать, на свете больше мужиков нет. Послушай меня, дорогая, я знаю, как тебе помочь!

Люба считалась в офисе самопровозглашенным психологом. Дипломом ей служил богатый жизненный опыт, а послужным списком – кучка разведёнок в «Одноклассниках», где Люба организовала группу «скорой любовной помощи» и вела там свои вебинары сомнительной пользы.

– Ничего не хочу, – утёрла очередную проступившую слезу Таня и продолжила удалять общие фото с личной странички. – Я этому козлу три года отдала, а он меня смешал с собачьим...

– Но-но! – оборвала её Люба. – Тут некоторые, между прочим, завтракают! – сказала она и целиком проглотила шоколадный эклер.

– Я ? неудачница! Завтра же уволюсь и уйду в монастырь!

Таня достала последнюю салфетку, в которую показательно высморкалась.

– Да погоди ты горбатого лепить! Говорю же тебе, есть у меня средство! – успокаивала её Люба, облизывая пальцы.

Наконец, разделившись со своим «энергетически важным» завтраком и тяжело вздохнув от набитого живота, Люба расчесала волосы, протерла очки и, буркнув под нос что-то на понятном только ей языке, начала свой сеанс.

– У тебя только один шанс исправить ситуацию! – заявила она таинственным полусшёпотом, словно это была секретная информация государственной важности.

– Главное – всё сделать так, как я тебе говорю, и не отступать от заданного курса ни на шаг. Ты меня поняла? – смотрела она исподлобья на зареванную подругу.

– Поняла, я спрашиваю?! – уже более напористо повторила Люба.

Таня неуверенно кивнула. Люба благодаря своей интонации и загадочному виду умела держать внимание.

– Значит так, отпросишься с работы пораньше. Скажешь, мол, вирус подхватила, и бегом домой. Смоешь слезы свои крокодилы, наденешь лучшие тряпки, какие есть, возьмешь все свои деньги, и встречаемся у меня.

– Это ещё зачем? – смотрела недоверчиво девушка на свою странную подругу, с которой, кроме офиса, нигде и никогда не встречалась.

– Будем выводить из тебя «дух неудачи» и лечить разбитое сердце! – хлопнула Люба ладонью по столу.

Таня подпрыгнула вместе со стулом, а затем отвернулась к компьютеру и пропала на своей ферме в «Одноклассниках».

Пересилившие здравый смысл гормоны сумели заглушить инстинкт самосохранения и, поддавшись дурному влиянию, Таня впервые в жизни соврала директору и отправилась домой, чтобы следовать указаниям своей новоиспеченной наставницы.

Кое-как впихнув в лучшее платье своё обрюзгшее от редких походов в спортзал и частых полуночных пельменей тело, Таня разбила фарфоровую копилку, которая была вторым и самым любимым предметом в её доме. Там лежали их с Гришей накопления за последний год. Посмотрев на единственный мятый полтинник, который Гриша кинул туда в первый же день открытия «вклада», Таня пересчитала свои тысячи и пятисотки и, в конечном итоге, получила сорок пять тысяч рублей. Этих денег практически хватало на путевку в Турцию, куда они собирались ехать в сентябре.

Таня навела лучший свой макияж, которому научил её «ютуб», и побрызгалась духами – единственный подарок Гриши, с которого и начались их отношения. Никаких романтических настроений у неё не было даже в наметках. И если Люба просто потащит её в какой-нибудь зачуханный караоке-бар, где надеется отгулять за счёт Тани, то та немедленно вызовет такси и поедет домой. Таня нашла адрес Любы не сразу. Та жила в съемной квартире в малосемейке, где-то на отшибе.

– Алло-у! – раздался томный мужской голос в динамике домофона.

– Извините, я, кажется, ошиблась, – перепугавшись, сказала Таня и хотела повестить трубку, как вдруг раздался Любин голос:

– Заходи, родная, не стесняйся.

Дверь запиликала и отпрянула от магнитного фиксатора.

– Это та самая, про которую я тебе говорила: «полная безнадежность», – всё ещё слышался голос Любы.

– Слонёночек, могу я остаться? – выпрашивал мужской голос. – Ну, пожа-а-луйста.

– Не-е-е-т, нельзя, у меня дела, – хихикала Люба.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, – в динамике что-то непристойно хлюпало и чмокало.

– Ну, н-е-е-т, Эдичка, ну, перестань, ну, хватит! Так! Фу, я сказала! А, ну, пошёл! – рывкнула Люба, словно ругая собаку, которая драла диван.

Таня дослушала разговор до конца, еле сдерживая смех. Сзади кто-то кашлянул. Повернув голову, Таня поняла, что вместе с ней этот «концерт» слушали, по меньшей мере, ещё четыре человека.

Она стыдливо отвернулась и, не решаясь ехать с этими людьми в одном лифте, побежала на нужный этаж по лестнице. Нужным оказался этаж номер девять.

По дороге ей попался смертельно напуганный, летящий вниз мужчина. Кучерявый блондин, словно сошедший с обложки журнала: мощный торс, волевой подбородок, неприкрытая волосатая грудь. Настоящий альфа-самец. Он бежал, стыдливо пряча глаза, следом за ним тянулись запахи пота, дешевого вина и эклеров.

«Неужели, тот самый Эдичка? – удивленно подумала Таня. – Быть того не может».

Квартиру Любы легко было найти даже без номерка. Из-за её двери на весь этаж разносились звуки тантрической музыки.

– Входи! – послышался знакомый голос, когда Таня была еще только на подходе.

Квартира Любы напоминала симбиоз кальянной и кабинета сельского психотерапевта. На стеклянном журнальном столике соседствовали «Психоанализ» Фрейда и «Теории страсти» некой Алисии Вандерлав. Сама Люба была облачена в нечто, похожее на кимоно, но весьма откровенное, от чего у Тани в голове стали возникать странные пугающие образы.

– Ну, что ты, как неродная? – по-хозяйски великодушно возмущалась женщина, держа в руках два пластиковых стаканчика, наполненных шампанским.

– Я-я-я... можно мне чаю? – скромничала Таня, не желая находиться нетрезвой в обществе чудаковатой женщины.

– Пф-ф, ча-а-ю! В этой квартире чай пьют лишь за день перед зарплатой. На, не спорь. Так надо. Помнишь, что я тебе говорила о правилах?

Таня приняла «бокал» и под наблюдением Любы выпила половину.

– Итак, приступим, – сказала хозяйка дома и усадила подругу в кресло у столика, а сама села напротив. – Психология – это наука! – гордо заявила она и показательно подняла палец вверх.

После этого изречения она достала из-под подушки карты таро и начала раскладывать их на столе. Понимая, что вечер будет долгим, Таня допила первый стакан кислой шипучки и жестом попросила добавки.

– А ты не промах! – с ехидной улыбкой заметила Люба, но через секунду приняла деловой вид. – Гриша, – начала она и перевернула карту с изображением барана лицом кверху, – личность явно закомплексованная. Скорее всего, эти проблемы связаны с матерью. Смею предположить, что она была дамой рассеянной и слабохарактерной, а потому поддавалась влиянию сильного пола и наверняка тоже часто изменяла властному мужу. Отсюда и комплекс. Видишь связь?

Связи Таня не видела, но участливо кивала, изображая дикое любопытство. Между тем она вспоминала старшего прапорщика Смирнову, маму Гриши, которая воспитывала свою семью, руководствуясь воинским уставом. У себя в части она гоняла всех: от солдат до полковников. И не было такого храбреца, который мог бы подкатить к Веронике Петровне с предложением вместе провести вечер. Потому что день в её обществе шёл за три.

– Да и ты хороша, – продолжала Люба, обличая новую карту, – вместо того чтобы цену себе набивать, поощряла все его закидоны, тем самым, полностью лишив себя всякого уважения.

Впервые за вечер эта дама сказала что-то осмысленное и стоящее внимания, но через секунду реабилитировалась.

– Я считаю, что у нас тут целый комплекс проблем: пониженное либидо, венец безбрачия, ретроградный Меркурий и, возможно, не хочу тебя пугать, – перешла она на шепот, – лишний вес.

Таня немного обиженно взглянула на свои складки на животе, затем перевела взгляд на самоуверенную Любу, закусывающую шампанское балыком горбуши с бородинским хлебом. Собираясь встать и как можно вежливее слиться, Таня открыла рот, чтобы поблагодарить за шампанское, но тут Люба её опередила.

– Расслабься, у меня уже есть отработанная программа для таких случаев.

Понимая, что побег не удастся, Таня принялась слушать, попросив добавки шипучего анестетика. Но тут Люба заявила, что шампанское было первым шагом в её программе, и достала откуда-то бутылку коньяка.

– Коньяк помогает в настройке душевных вибраций и в раскрытии внутреннего «я», – констатировала она, снова подняв палец вверх.

Ошарашенная таким поворотом событий, Таня поинтересовалась, сколько всего шагов в программе Любы. На что та с гордостью ответила:

– Двенадцать, – и ловко откупила бутылку.

Сопротивляться было бесполезно, тем более что разъевший губу алкоголь уже сам пролился внутрь, чтобы заполнить образовавшуюся в сердце пустоту.

После первой рюмки Люба заявила, что душевные вибрации лучше всего настраиваются в джакузи и при том только в определенном. Не спрашивая согласия подруги, она вызвала такси, и уже через пять минут они мчались через ночной город по направлению к чудотворной сауне, с не внушающим доверия названием «Содом и Гоморра».

По прибытии Таня открыла кошелек, чтобы расплатиться с водителем, и с тех пор его не закрывала.

Люба сказала, что на голодный желудок проблемы решать нецелесообразно и, более того, пагубно. А потому заказала пять килограмм морепродуктов, в которые входили: тигровые креветки, крабы, роллы, моллюски и так далее.

На вопрос Тани: «зачем так много?» Люба ответила, что литр коньяка нужно обязательно хорошо заесть, иначе с утра придется снова пить. А завтра на работу.

Игнорируя парилку, Люба потащила подругу сразу в джакузи, объяснив это тем, что сильный жар плохо воздействует на лечебные свойства «армянского эликсира». Стаканчики Люба взяла из дома, сказав, что пить нужно обязательно из одной и той же посуды. «Примета такая».

Не прошло и пяти минут, как раздался стук. Поначалу это Таня стучала по спине подавившейся креветкой Любы, а уже после постучали в дверь. Накатив пятьдесят грамм, Люба открыла дверь и торжественно пригласила двоих мужчин в медицинской форме.

– Ты же по болезни отпросилась домой, вот и будем тебя лечить, – сказала она игриво и приказала мужчинам не тормозить.

Прибывшие медики оказались стриптизерами. Джакузи, коньяк и ритмично танцующие под музыку накаченные торсы сделали своё дело. Наконец, полностью расслабившись, Таня поддалась этому развратному влиянию и уже была готова на любые, самые авантюрные эксперименты, кроме тех, которые начались ближе к полуночи.

Размякшая от воды и коньяка, Люба хлопнула в ладоши и приказала сворачивать балаган, утвердив своей «невидимой печатью» тот факт, что с четырьмя пунктами её программы покончено. И либидо полностью восстановлено. Таня подумала, что это конец, и, несмотря

на большие растраты и сильное опьянение, она сделала вывод, что вечер удался на славу. А значит, можно спокойно ехать домой и отсыпаться.

Но Люба в очередной раз удивила своей изобретательностью.

– Теперь мы едем снимать венец безбрачия, – заплетаящимся языком заявила полууголая женщина.

Наказав расплатиться за шоу и за сауну, Люба вызвала такси. К ним приехал тот же водитель, который привез их сюда. Лицо его радужно засияло при виде двух изрядно поднабравших и распаренных в джакузи дам.

Люба была настоящим мастером эмоциональных потрясений. Улыбка таксиста была стёрта одним метким предложением:

– На городское кладбище!

Таня вместе с водителем широкими глазами посмотрели на явно подхватившую горячку женщину, но та была непреклонна. Через двадцать минут такси стояло у закрытых ворот кладбища. Водитель, целуя иконы, наклеенные на торпеду, уговаривал девушек вернуться в сауну и проплатить остаток ночи. Тогда Люба больно схватила его за нос и, потянув, сказала, чтобы тот был здесь через час, а там посмотрим.

Таксист ударил по газам и исчез в ночном тумане, оставив двух девушек наедине с могилами и крестами. Несмотря на повышенный градус, Таня понимала, что в данный момент происходит что-то из ряда вон выходящее. Но Люба «была сегодня у руля». А значит, Тане оставалось только следовать за своим «нетрезвым капитаном в кимоно».

Когда девушки подошли к воротам и увидели увесистых размеров навесной замок, Таня уже начала благодарить бога за удачу, но Люба даже бровью не повела. Плюнув на руки и выпив, как бывалый слесарь, прямо из горла бутылки, она подошла к железным прутьям и, издав утробный рык, раздвинула их руками. В этот момент Таня искренне пожалела нос таксиста, а заодно поняла, что мертвяки в могилах – это не так уж и страшно, в сравнении с «психологом-самоучкой». Ночь стояла лунная и прохладная.

– Идеальная для ритуала, – подчеркнула Люба, – нам нужна безымянная могила, – дала установку «нетрезвый психолог» и повела за собой вглубь кладбища.

Как только Тане становилось не по себе и она начинала об этом говорить, Люба моментально открывала бутылку и давала ей тридцать капель «успокоительного». Вскоре Таня уже не беспокоилась ни о чем, кроме тех крестов, которые покосила по дороге.

Наконец поиски были окончены. Выудив откуда-то корку бородинского хлеба и немалых размеров свечку, Люба налила стопку коньяка, накрыла её хлебом и поставила в изголовье могилы. Затем зажгла свечку и взяла Таню за дрожащую от холода руку.

Сделав глубокий вдох и подняв голову к полной луне, Люба загробным голосом начала произносить заговор, периодически икая и меняя местами слова при каждом повторении. Кроме её завываний и стрёкота сверчков, на кладбище было очень тихо, поэтому Таня сразу услышала приближающиеся шаги.

– Люба, – дергала она подругу, которая вошла во вкус, – кто-то идёт, Люба!

– Это твоё спасение идёт, дух нас услышал! – довольно распевала Люба.

Тут сзади что-то хрустнуло, и, обернувшись, девушки увидели в тумане силуэт. Скорость, с которой протрезвела Таня, можно было фиксировать для книги рекордов.

– Ах, вы, сатанисты проклятые! – раздался хриплый голос, а следом за ним предупредительный выстрел, который разнес бутылку коньяка вдребезги.

– Отступаем, – командным голосом приказала Люба, и девушки пустились в бегство, совершенно потеряв ориентиры и сшибая на ходу кладбищенские атрибуты.

Люба, как командир похода, бежала впереди, прокладывая путь через лабиринты оград и мраморных обелисков. Развязавшееся кимоно развевалось при беге и создавало впечатление, что летел призрак.

В какой-то момент разгоряченные погоней женщины выбежали на поляну, где возле небольшого костерка грелись бомжи, распивая бутылку водки. Понимая, что без допинга далеко не убежать, Люба без лишних слов выхватила пузырь у очумевшего мужика и, сделав один продолжительный глоток, снова исчезла во тьме, мелькнув кимоно. Таня молча пробежала мимо ошарашенных бомжей, случайно раскидав горящие головешки.

Когда они наконец добрались до ворот, водитель, на удивление, уже ждал их. Было принято решение возвратиться к Любе в квартиру и там завершить программу. Доехав до места, водитель пообещал, что не возьмет денег за проезд, если его пригласят в дом. Люба дала согласие при условии, что таксист привезет им еще одну бутылку коньяка, а после будет два часа массировать ступни обеим девушкам, не привыкшим к изнуряющему бегу по пересеченной местности.

Через полчаса компания распивала коньяк и ставила галочки напротив воображаемого списка Любиной программы.

– Заговор – есть, внезапные знакомства – есть, фитнес – есть, – загибала она пальцы, и только хотела поставить точку на радость изнуренной Тане, как вдруг её осенило, что остался всего один невыполненный пункт – боязнь публичных выступлений.

Как всё это было между собой связано, казалось, не понимала даже сама Люба. Но, не желая выслушивать критику в отношении своей программы, она достала из серванта диск караоке и микрофон.

До пяти часов утра малосемейка и весь район наслаждались лучшими хитами «Ласкового мая», Аллегровой и Николаева в исполнении вечно бодрой Любы и еле стоявшей на ногах Тани. Иногда на бэк-вокале слышался голос таксиста Рудика, но после пяти рюмок он сдался и, отосланный спать в ванну, изредка всхрапывал невпопад.

После Любиной программы Таня ещё неделю отходила под предлогом сразившей её хвори. Но когда похмельный синдром наконец отступил, а в кошельке образовалась финансовая «дыра», она вышла на работу и почувствовала перемены во всём.

В офисе со всех сторон сыпались неожиданные комплименты об её отличном внешнем виде. Все, включая директора, интересовались состоянием её здоровья и хвалили проект, над которым она работала дома. Вся мужская половина офиса внезапно стала оказывать ей знаки внимания, даже «женатики». Она мечтала поделиться с Любой, но та взяла дни за свой счет.

Через два дня Таню на неделю отправили в командировку – налаживать отношения с новыми поставщиками. Воодушевленная таким доверием со стороны начальства и всеобщим вниманием Таня окончательно расцвела и теперь чувствовала себя настоящим победителем. Она блестяще заключила несколько сделок и была приглашена на свидание одним из руководителей крупного завода.

Вернувшись из командировки, она хотела отблагодарить Любу и её чудодейственную программу, которая вопреки всем законам и здравым смыслам сработала. Жизнь впервые за несколько лет стремительно шла в гору. Но Любы в офисе не оказалось.

Коллеги сказали, что она вышла замуж за какого-то таксиста и улетела жить в Таиланд.

Спустя неделю Тане пришло сообщение в «Одноклассниках»: «Таня, собирай вещи, у меня новая программа».

Бобик

– Ты где был? – прогремела жена, когда Валентин ещё не успел шагнуть за порог.

– Ты не поверишь! – глаза его воодушевленно горели, лицо выглядело свежим, кожа подтянутой. Ни грамма усталой обвислости, как после работы или встречи с друзьями в их излюбленном кафе «Сосенки».

Жена глубоко вдохнула, как пылесос, засасывая все запахи, но её детектор не учуял и намек на спирт или чего хуже – женские духи.

– Не поверю! Где, спрашиваю, был?!

– Можно, я хотя бы домой зайду? – жалобно посмотрел он на неё.

«Какой-то вид у него хитровато-придурковатый, как будто в лотерею выиграл или премию получил», – замечталась жена. Но через секунду сама себя одёрнула: «Да какой там! С этим олухом не то что в лотерею, в монополию у соседей ни разу не выиграли».

В квартиру жена его всё жепустила, чтобы не позорился, но на суровость её взгляда это не повлияло.

На кухне от закипевшей в кастрюле воды «прыгала» крышка, стиральная машинка противно пищала, сообщая о том, что пора вынимать белье. Но жена не собиралась возвращаться к бытовым делам, пока задержавшийся на три часа муж не представит ей полный отчёт.

– Я закончил как обычно, – начал свой рассказ муж, параллельно разуваясь, – по дороге зашел в магазин, купил молоко, сыр и сардельки, как ты просила.

Жена покосилась на мужа, проведя наружный досмотр, в итоге мозг получил отчёт: «Продуктов не обнаружено».

– Ну и где всё это?

– Ты не поверишь! – с ещё большим энтузиазмом повторил муж, скинул ботинки и повесил пальто на крючок.

– Иду я, значит, мимо аптеки, ну, той, где ты постоянно свой чай для похудения берешь, а там, у входа, сидит пёс.

– Ну и?! – уже не в силах слушать этот затянувшийся рассказ, спросила нервно жена.

– Говорящий пёс! – наконец, выдал муж.

Глаза у неё бешено горели, жена глубоко вдохнула и тяжело выдохнула. Если бы она могла извергать огонь, то от её мужа сейчас осталась бы лишь горстка пепла.

– Дай, говорит, пожрать. Неделю уже арбузы на помойке доедаю, в туалет нормально сходить не могу.

В глазах жены сверкали молнии, женские кулачки сжались так, что костяшки заныли.

– И что же ты сделал? – процедила она сквозь зубы.

– Отдал ему сардельки и молоко, разумеется. Тамарочка, не оставляю же я голодного говорящего пса помирать с голода, в конце концов!

Лицо у жены покраснело, она закипала быстрее, чем электрочайник, разве что пар из ушей не шел. Глаза и руки машинально искали предмет потяжелее, чтобы выбить дурь из этого благородного недотепы.

Увидев настрой жены, Валентин сглотнул подступивший к горлу ком, и, понимая, что сейчас «запустится необратимый процесс, после которого ему, скорее всего, придётся получать пенсию по инвалидности», открыл дверь. В квартиру, прихрамывая, зашел большой дворовый пес, от которого жутко воняло.

– Здравствуйте, Тамара Андреевна, – заявил с порога пёс и уселся на коврик.

У Тамары подкосились ноги, и она рухнула на пол. Валентин охнул и побежал в спальню за напатырём. Пес сидел на коврике с высунутым языком и, тяжело дыша, смотрел на хозяйку.

– Вы простите Валентина, ваш муж не виноват, просто, если бы не он, лежать мне в канаве и считать часы до смерти, – вежливо продолжил лохматый гость.

– Валя, пусть он замолчит! – словно в бреду пробормотала Тамара.

– Видишь, родная, я же тебе говорил, что ты не поверишь!

– Это уж точно!

– Прошу любезно меня простить, – снова заговорил пёс.

– Смотрите, какой воспитанный, прям «герцог Хрен Ван Бургундский».

Тамара поднялась на ноги и направилась на кухню, чтобы выключить газ и попить воды.

Вернувшись, Тамара поставила перед псом тарелку с водой. Запах мокрой псины быстро заполнял помещение, от чего нос у неё «скрючился».

– Как тебя зовут, говорун?

– Боб Андерсен эсквайр. Мои предки родом из Лондона, – представился пёс и поклонился.

Хозяева квартиры смотрели на него с недоумением.

– Но можно просто Бобик, – быстро поправился пёс, увидев их смущение.

– Валя, можно тебя на секундочку? – прошептала жена мужу и указала взглядом на комнату.

– Бобик, подождешь здесь? – спросил Валентин и, получив удовлетворительный кивок, отправился вслед за закатившей глаза женой.

Говорили шепотом:

– Здорово, не прав... – начал было Валентин, но жена его перебила.

– Надо срочно звонить репортёрам!

– Зачем? – искренне удивился Валентин.

– Ты что, совсем тупой? – постучала Тамара по своей голове. – Это же пёс говорящий, хренов Боб Андерсен!

– Эсквайр, – поправил он её.

– Да по мне хоть Сидоров, главное, что это наш шанс! Выбраться из этой помойки!

– Но это же квартира моей бабушки! – обидчиво возразил Валентин.

– Вот именно! До сих пор её запах никак не выветрится из шкафов, а я нормально пожить хочу, в Москве!

– У-у-у, чего захотела! А с чего ты взяла, что Бобику это понравится? Вдруг он молчать будет при других людях? Давай лучше на телефон снимем.

– Не, сейчас на компьютере голос собаке каждый дурак подставить может. Нужны реальные доказательства, а лучше, чтобы в новостях показали. Но до того момента надо собаку официально оформить, чтобы никто у нас его не увёл.

– Точно! – Валентин был без ума от счастья, ведь о собаке он с детства мечтал, но ему никогда не разрешали ее завести. Сначала родители, потом комендант в общежитии, а после – жена.

– Тогда и Бобик наверняка будет не против нам помочь.

На том и порешили.

– Ну что, Бобик, готов стать частью нашей семьи? – радостно завопил Валентин, вернувшись в прихожую.

В ответ пёс радостно гавкнул и завилял хвостом.

– Сначала пса помыть нужно, а то он все полы испачкает, – строго заявила Тамара, – завтра пойдем паспорт собачий оформлять.

– Но, Тamarочка, у него лапа повреждена, он не дойдет, мы сюда-то шли два часа. А ты представляешь, сколько в центр тащиться? – жалобно смотрел на жену Валентин и чуть ли не слёзы лил.

– Ох, господи, какой ты у меня неженка, не мужик, а... – она осеклась, увидев понимающие глаза пса.

При посторонних жена старалась мужа не отчитывать.

– Ладно, пару дней полечится и отправимся. Дома чтобы была чистота и порядок. И, Бобик, ты уж извини, спать тебе придется на коврикe в прихожей.

– Лучше и быть не может, по сравнению с гаражами и помойками – это рай! – заявил пёс и побрёл в ванную.

Тамара прикидывала, каким количеством хлорки нужно обзавестись, чтобы уничтожить личную заразу и грязь. Но блестящие перспективы перекрывали всю злость и негодование.

«Стерпится, главное – результат», – думала она. Так же, когда выходила замуж за Валентина и размышляла о его квартире.

Бобик оказался псом хоть куда. Вечером, когда Тамара уселась читать свой любимый женский роман «Куртизанка с дипломом Гарварда», её муж достал с антресоли шахматную доску, на которой пыли было больше, чем на «Капитале» Карла Маркса в школьной библиотеке, и понес её в прихожую.

– Только не говори, что вы сейчас еще и в шахматы будете играть?

– Будем! – торжественно заявил муж. Было видно, как он счастлив заняться хоть чем-то, что интересно ему.

– Пф, – фыркнула Тамара и вернулась к чтению.

Прошло сорок минут. С кухни стали доноситься звуки хлопающей дверцы холодильника. Наконец, не выдержав, Тамара отложила роман в сторону и, зайдя в прихожую, ахнула.

На коврике у двери сидел Бобик, перед ним её муж, а на полу разложены карты и миска с нарезанной колбасой, курицей и сыром.

– Я что-то не поняла, ты нашему гостю решил все запасы скормить?!

– Милая, не злись, у нас тут партия в покер, а я же не дурак на деньги играть, да и Бобику они ни к чему, а вот колбаса – самая настоящая ставка! Я ему занял полпалки, он всё равно потом отдаст, – подмигнул ей муж.

– Вы же в шахматы играли! – не выдержала Тамара, повысив голос на мужа.

– В шахматы неинтересно, Бобик три года с шахматистом жил, он меня постоянно обыгрывает. То ли дело – покер, игра на равных!

Тамара схватила с пола тарелку с жареным окороком.

– А ну, давайте закругляйтесь, устроили мне тут Лас-Вегас! Чтоб я больше этих азартных игр не видела! Хотите играть, играйте, вон, в лото!

– Но как же в лото? У Бобика пальцев нет, чтобы бочонки выставлять.

– Сам выставляй свои бочонки! Всё, живо в кровать! У меня ноги гудят, будешь мне массаж делать!

Бобик смотрел на эту семейную «идиллию» и мечтательно вздыхал. Когда-нибудь и у него будет собачья семья.

– А этого кастрируем, чтобы тебе потом в голову не пришло щенков разводить, – донеслось из комнаты, отчего у Бобика аж челюсть свело.

– Это она так шутит, – улыбнулся Валентин псу и потрепал его по голове.

– Спасибо тебе, Валентин, хороший ты человек, и жена у тебя просто ангел, – сказал лохматый гость и улегся спать.

Спустя два дня лапа у Бобика была как новая, и его повели в ветеринарную клинику – сделать прививки и получить собачий паспорт.

День стоял тёплый и ясный. По дороге Валентин играл с псом, как школьник, несмотря на свои сорок семь. Тамара шла от них на значительном расстоянии, чтобы люди вокруг не подумали, не дай бог, что этот немолодой шалопай – её муж.

Тамара запретила псу разговаривать на улице «от греха подальше», поэтому он гавкал, рычал, скулил, но слов на ветер не бросал. Валентину это, кажется, не сильно мешало, он продолжал во весь голос общаться с псом, как со старым приятелем, и проходящие мимо люди косились на этот странный тандем, словно это были артисты цирка.

Город был провинциальным, людям было проще ходить пешком, чем пользоваться общественным транспортом. До клиники добрались минут за сорок.

Доктор проверил пса, сделал все необходимые прививки, прописал препараты от глистов и мазь для лапы. Наконец, пришло время оформлять паспорт.

– Порода – двортерьер, возраст – шесть лет, кличка?

– Бобик, – сказала жена.

Но не успел врач начать записывать, как Валентин его остановил:

– Вообще-то он Боб Андерсен, эсквайр, – гордо заявил мужчина.

Врач и Тамара посмотрели на Валентина с видом полного недоумения. В глазах доктора читалось: «Чудак на чуде, не работа, а шапито». В глазах жены: «За что мне всё это?».

Но Валентин был непреклонен и проследил, чтобы всё было написано, как положено, особенно «эсквайр», подтверждающий почетность рода.

Вечером жена навела в квартире такой лоск, что с пола мог есть не только пёс, но и не побрезговал бы сам английский принц. На Валентина напялила свадебный костюм, сама кое-как влезла в вечернее платье, погрызенное молью со спины. Бобика расчесали, а на шею повесили красивый именной ошейник. Тамара не стала обзванивать все каналы, остановилась лишь на самом популярном – государственном. Ну и парочку известных журналов тоже решила прихватить.

Наконец, раздался долгожданный звонок в дверь.

Семейство при параде, лица сияют, Бобик нашампунен, когти пострижены, не семья, а пример.

В квартиру завалилась толпа журналистов, человек десять. Оборудование, камеры, микрофоны. В самом конце зашли два санитара во главе с врачом. Их Тамара не ждала, но с натянутой улыбкой тоже пригласила в дом.

От начищенных полов не осталось и следа, но никому не было до этого дела. Все окружили собаку, и как только звук был настроен, началась съёмка.

Рассказав миру о том, что репортаж ведётся из квартиры, где живёт первый в истории говорящий пёс, журналистка попросила показать то, ради чего все собрались. В комнате повисла тишина, было слышно только тяжелое дыхание Тамары, которая от волнения расчесала поеденное молью платье.

– Валя! – негромко окликнула она мужа. – Вы чего молчите? Вас обычно не заткнешь!

– Ну что, дружок, представься публике, – попросил хозяин пса и, улыбнувшись, погладил его по голове.

– Боб Андерсен, эсквайр, – выдал пёс и сделал что-то вроде собачьего реверанса.

Послышался глухой стук. Это врач районной психбольницы упал в обморок. Гости ахнули. Никто всерьёз не думал, что пёс заговорит.

Началось интервью. Пёс поведал о своей нелегкой судьбе и о доброте новых хозяев. Рассказал, как его отец Шарль-Альфред Андерсен (или просто Шарик), почему-то названный в честь французского президента, потерялся в России во время пребывания здесь его хозяев по государственным делам. Отец его был падок на неблагородных дам и, сорвавшись с поводка, обрюхатил одну из них. Любовь затмила глаза псу, и он остался в России воспитывать потомство.

После интервью жизнь у Тамары и Валентина пошла в гору. Их повсюду приглашали: на телевидение, на радио. Бобик даже записал несколько сольных песен и одну с популярным рэпером. Семья за неделю заработала денег на новую квартиру в Москве и уже «сидела на чемоданах», когда однажды к ним в дверь постучали.

На пороге стоял странного вида тип в черном фраке с шелковистыми усами. На голове мужчины красовался цилиндр, как из дурацких фильмов. Он опирался на длинный черный зонт, который служил ему тростью.

– Мисс Кусева? – поинтересовался он.

– Гусева, – поправила интеллигентного джентльмена Тамара, у которой щеки налились румянцем.

– Меня зовут Вильям-Джонатан Андерсен, эсквайр, – гордо произнес гость.

– Тамара, – застенчиво произнесла женщина и пригласила Вильяма пройти.

Они уселись за столом на кухне, Тамара сообразила чай и бутерброды с икрой.

Валентин и Бобик в это время были на улице: бегали, валялись в грязи, справляли нужду.

Тамаре было до фонаря.

Англичанин, как поняла Тамара, понюхал чай и с брезгливым видом поставил кружку.

– Я исчу своеко пса, – произнес он фразу, от которой у Тамары ёкнуло в груди.

– Пса? – неуверенно переспросила та.

– Да! Своеко пса, я вител его в ностях, говорящий пёс Боб Андерсен, эсквайр. Этот пёс принатлежит моей семье.

Тамара встала в полный рост и отодвинула от гостя бутерброды с икрой.

– Бобик – наш пёс! Мы нашли его на улице. В конце концов, мы его оформили, как полагается. Мы очень его любим, это животное – счастье в нашем доме, – лукавила Тамара.

– Я заплачу, – произнес Вильям.

– Боюсь, у вас не хватит денег, этот разговор закончен. А вам следует уйти, Виля. Или как вас там?

– Вильям! – поправил он хозяйку. – Пять миллионов евро! Устроит?

Услышав это, Тамара начала задыхаться. Даже у «Куртизанки с дипломом Гарварда» сумма наследства была меньше.

Послышался звук открывающейся двери. Валентин и Бобик вернулись с прогулки.

– Тамар, представляешь, у Бобика ещё один талант! Он, оказывается... – Валентин не успел договорить, так как увидел странного мужчину на кухне.

– Бобика я не отдам ни за какие деньги! – после долгих уговоров заявил Валентин.

– Ты что, совсем дурак? На кой нам этот блохастый мешок? Мы с тобой заживём, как люди! Уедем куда-нибудь подальше из этой глухомани, в Лондон, например!

– Ты же в Москву хотела! – не сдавался муж.

– Да что мне твоя Москва! Я, может, хочу, чтобы меня «мисс» называли! А не просто – Тамара!

– Хочешь, буду тебя «Ваше Величество» называть, но Бобик останется здесь! Он мне рассказал, как их там мучают дрессировками и постной индейкой. А я его люблю, и ест он, что хочет!

– Твоей любовью сыт не будешь. А пёс сегодня знаменит, а завтра – нафиг никому не нужен! Значит так, я тоже хозяйка пса, и мы его отдаем!

– Не отдавайте меня, Тамара Андреевна, – заскулил Бобик.

– А ты молчи, вон твой хозяин явился. Эсквайр, будешь из золотой миски воду лакать.

Пёс жалостно посмотрел на Валентина.

Тот, собравшись с духом, схватил паспорт, деньги из своей заначки, и вместе с псом вырвался из квартиры, несмотря на угрозы со стороны Тамары и на иноязычные восклицания гостя.

Полгода вся страна искала говорящего пса, а тот как сквозь землю провалился.

Двоюродный брат Валентина приютил их с Бобиком у себя в норильских снегах. А вернулись они домой, когда шумиха поутихла.

В пустой квартире Валентина встретило лишь короткое письмо его супруги:

«Валя, я уезжаю от тебя с почтенным мистером Вильямом, эсквайром, в его владения близ Кембриджа. Пса оставь себе. Вильям сказал, что у Бобика есть говорящие родственники в Харькове, туда мы сейчас и направляемся.

Документы на развод на столе. Надеюсь, ты рад, что вы со своим любимым псом теперь вместе. А я тебя, Валечка, никогда не любила, и жить теперь буду, как королева. А вам в бабкиной квартире желаю тухнуть до конца своих дней».

Валентин смахнул слезу и потрепал пса по загривку.

– Не переживай, Валентин, никакой я не англичанин. Байки эти мне папка травил, который, как и все его предки, был обычным дворовым псом. Я просто хотел, чтобы меня любили. Всегда думал, что никто не полюбит обычную дворнягу, пусть и говорящую, вот и притворялся знатным. А тип тот никакой не эсквайр. Он сюда на «шестерке» приехал с рязанскими номерами. С жены твоей, небось, уже все деньги выкачал. Родственников у меня нет в Харькове, да и вообще нигде, я такой один.

– А что же ты раньше не сказал?

– Да продала бы меня Тамара Андреевна рано или поздно. Не мошеннику этому, так ученым на опыты. Я много людей за свою жизнь повидал, сходу могу сказать, кто по любви, а кто по расчёту женат. Вот и не стал встречать. Да ты и сам, я думаю, всё знал.

Валентин понимающе кивнул.

– Не горюй, Валентин, звони репортёрам, помогу я тебе жизнь наладить, – сказал говорящий пёс и положил голову на колени любимому хозяину.

Сергеа

Серёга всегда был очень злым человеком. Те, кто знали его долгое время, рассказывают, что Серёга – это плод любви работницы регистратуры в районной поликлинике и учителя труда.

Ещё находясь внутри утробы, этот тип доставлял матери немало проблем, без конца пиная её в живот и переворачиваясь. Но когда настало время родиться, Серёга решил, что с него достаточно и того, что он уже успел повидать и, перемотавшись пуповиной, решил сделать

миру одолжение. Но, как он ни старался, умереть ему не дали. И когда Серега родился, то в знак благодарности обмочил акушеров.

Весь детский сад Серёга провёл в углу, отчего лицо его приняло форму равнобедренного треугольника, в итоге таким навсегда и осталось.

В школе у Серёги не было врагов, врагом был сам Серёга. Его боялись дети, боялись учителя, боялись дворовые псы. Не боялись Сереги лишь двое, это его отец-трудовик и директор школы – бывший военный, который его почему-то понимал и уважал, но спуску не давал. Серегинных родителей в школу не вызывали по двум причинам. Первая: отец и так постоянно был в школе, а вторая – директор любил сам воспитывать учеников общественно полезным трудом и добротным подзатыльником. На подзатыльники не скупился и отец Сереги, но как ни старались они с директором, дурь из парня так и не выбили, хоть и набили Серёгу на треугольнике немалую шишку.

Как-то раз Серега стал зачинщиком очередных беспорядков, где участвовало, по меньшей мере, двадцать человек, пять из которых были девчонки. В те годы популярны были стрелки между учениками. На таких мероприятиях, как правило, выяснялись весьма важные вопросы вроде: «Как ты меня назвал?» и «Какого хрена ты поздоровался с моей барышней?»

Весомым аргументом в спорах были не только атлетические способности и необходимое количество людей, но и подручные средства. Одним из таких Серёгу и пырнули. Получив ножовое промеж рёбер, Серега пролежал на снегу, истекая кровью, около двадцати минут. Никто из детей не осмеливался оказывать первую помощь, а школьная медсестра была в отпуске. Школа должна была вздохнуть спокойно и, наконец, избавиться от главной заразы, но не тут-то было. По воле Божьей (или другим недостижимым человеческому мозгу причинам) Серега выжил. Его спас проходивший мимо человек, который когда-то учился в медицинском колледже, но был изгнан за тунеядство. С тех самых пор Серега стал только злее.

Семья была небогатая, питались в основном с огорода и примитивными углеводами. Выросший на картошке и молоке Серега весил под центнер, и вымахал на две головы выше отца, отчего связываться с ним страшились даже менты. Серега бил всех, кто, по его мнению, косо смотрел в его направлении или портил воздух своим присутствием.

В армии жесткий и жестокий Серега дослужился до ефрейтора, чем сильно оскорбил отца. Давать сержантские ему не осмелились, потому как даже для армии Серега был слишком суров и безжалостен, а при власти (даже такой малой) он мог довести половину своего подразделения до крайности.

Как ни странно, но смерть всегда ждала Серёгу у порога, перетаптываясь и подзывая крепыша. Неся караульную службу, один из военнообязанных, тех, что постоянно получал от Серёги по голове, не выдержал растущего в голове напряжения и выпустил в товарища ефрейтора пару наспигованных свинцом пилуль, когда тот в очередной раз воспитывал в бедолаге армейскую выдержку и проверял на прочность стойкость его духа.

Но и в этот раз Серега выкарабкался. Что-то во вселенной не давало умереть этому озлобленному на весь мир пареньку. Серега сам оказал себе первую помощь, имея под рукой солдатскую аптечку, а после три месяца провалялся в госпитале, где довёл главврача до перевода.

По всем законам жанра Серега попал-таки на зону за тяжкие телесные. Там его в целях отмщения пытались отравить, но Серега не умер.

Не умер он и в аварии, не умер, когда на производстве ему упал на голову фонарь, не умер от переохлаждения, когда пьяным уснул на остановке в минус тридцать...

Злой Серега отравлял жизнь многим людям на протяжении шестидесяти лет и чувствовал себя превосходно в физическом плане.

Душа же человека была черна не только от злобы, но и от обиды.

Он не понимал, за что судьба так неблагоприятна к нему, ведь жизнь для него была невыносима и скучна. Серега никогда не любил, друзей у него не было, так, знакомые. Дни тянулись долго и противно, как прилипшая к ботинку жвачка. И вот случилось чудо – Серега захворал.

Лютая болезнь скрутила бедолагу, смертельный недуг. Серега истощал, осунулся и из бывшего здоровяка превратился в сморщенного старика.

На смертном одре Серега впервые в своей жизни завёл беседу с Богом:

– Зачем я пришёл в этот мир? Кому надо было создавать меня таким? Всю жизнь я причинял людям только боль, от которой сам особой радости не испытывал...

То ли чудо случилось, то ли у Сереги окончательно рассудок поехал от повышенного давления, но ему ответили.

– У тебя была большая цель, и ты её выполнил, – сказал голос в его голове.

– Какая? Какая, к черту, цель? Я же всем жизнь портил!

– Портил и спасал. Всех тех, кто пытался тебя убить, посадили в тюрьмы. Тот пьянчуга, что врезался в твою машину, никого не убил лишь потому, что ты встал у него на пути. После того случая с фонарем провели ремонт помещения на заводе, где ты работал, там теперь никто не погибнет от несчастного случая. Всю свою жизнь ты спасал людей и отводил настоящее зло в сторону. Ты очень много хорошего сделал благодаря своей злобе, и за это ты умрешь.

– Странная какая-то благодарность, – заметил Серега.

– Странная? Жизнь, вообще, странная штука. Что на уме у Создателя – не ясно, Он лишь даёт указания, а мы их выполняем.

– Кто мы? – спрашивал из последних сил гадкий старик, потому как чувствовал, что оставалось ему совсем чуть-чуть.

– Ты да я, да мы с тобой. Ангелы.

– Какие еще, к чёрту, Ангелы?! – закричал Серега, чем перепугал персонал клиники, где доживал свои последние часы.

– Ты – Ангел-хранитель, тот, кто защищает людей, будучи живым. Я – Ангел смерти, тот, кто провожает в мир иной.

– Получается, я не зря прожил жизнь?

– Получается, что так.

– И что дальше?

– Последнее доброе дело.

– Это какое?

Тут Серега почувствовал, как сердце его сжало в тиски. Воздуха стало не хватать, а перед глазами поплыли черные круги.

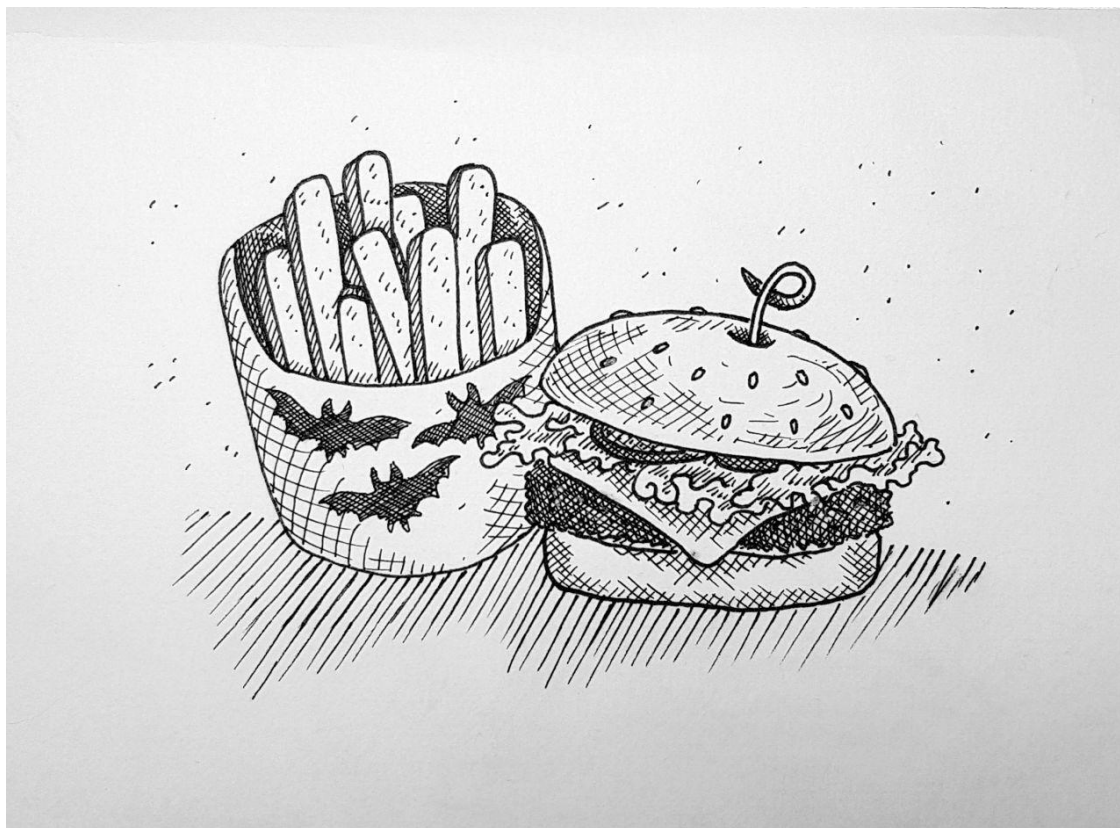
Реанимировать Серегу не спешили, врачи нехотя били обмякшее тело током, чтобы запустить остановившийся мотор, без желания заталкивая в его легкие воздух, но Сереге эти попытки были без толку. Напоследок он обмочил всю кровать и издох.

В момент, когда у Сереги начался приступ, в больницу поступил тяжелораненый пациент. Рук не хватало. Серегу бросить не имели права по закону и, опоздав на пару минут, врачи констатировали смерть второго пациента.

Серегу ненавидели даже после смерти. Он в очередной раз сотворил непростительное зло, которое стоило человеку жизни. Только вот никто на земле не знал, что человек, поступивший с ранениями, и не успевший получить должную помощь, в следующем году зарезал бы десятки людей.

Серега был злым человеком, но, сам того не зная, совершил много добрых дел. Никто никогда не узнает, как было бы, не случись чего-то плохого или не родись кто-то вроде Сереги. Всё случается так, как должно быть. И если мы этого не понимаем, то это не значит, что всё имеет только плохую сторону.

Ночной позор

Тот, кто обратил Валеру в вампира, был явно недалекого ума.

Ну на кой, скажите мне, армии сильных, харизматичных, бешеных и утонченных кровососов сдался этот двухсоткилограммовый увальень? Дракула в гробу переворачивался в буквальном смысле слова, когда в их логово зашёл этот Макдональдс на ногах.

Тот вампир, что занимался набором рекрутов и решил завербовать Валеру, умер от переизбытка холестерина, пытаясь достать до артерии, тем самым разработав новый способ уничтожения своей братии.

Валера был настолько толстым и ленивым, что когда превращался в летучую мышь, не мог взлететь и большую часть времени проводил на диване, потягивая кровь из неприкосновенного запаса.

Главарь вампирской гильдии сплюнул на пол и, назвав происходящее в рядах кровососов балаганом, умыл глаза чесночным соком.

Самое обидное было то, что тело человека, ставшего вампиром, навсегда остается таким, каким оно было в момент обращения. Поэтому (на радость Валере и на горе всем остальным) тренажеры ни за что не помогли бы ему.

На собраниях часто обсуждалось убийство и изгнание нерадивого вампира. Но убивать своего сородича было запрещено священными догмами, а изгонять его не хотели, потому что боялись опозориться.

Жирдяй ел много и всегда просил добавки. Как ни старались вампиры спрятать от него запасы крови, он всегда их находил. Таким образом, все, кто жил с ним под одной крышей, были вынуждены трудиться в удвоенном темпе.

Иногда Валеру использовали в ночных набегах на деревни в роли щита. Копья крестьян втыкались в мясистую плоть, не в силах её пробить. За живым щитом помещалось до пяти вампиров. Больше Валера ни на что не годился... Люди убегали от него быстро, поэтому жертвы неповоротливого упыря были, в основном, старики при смерти, калеки и младенцы.

И только все смирились с таким раскладом, свыклись с нервирующим балластом, как Валера начал выкидывать новые фокусы.

Игнорируемый всеми своими соплеменниками, клыкастый боров заскучал. Ему не хватало общения, моральной поддержки... И тогда он стал обращать в вампиров своих убогих и недееспособных жертв.

Племя кровососов хваталось за голову и, теряя всякую надежду вернуть всё как было, самоуничтожалось и разъезжалось по миру. В логове остались только самые отважные и древние, кому эти переезды и самоубийства не казались выходом. Постепенно армия кровососов полностью заменилась новыми рекрутами: стариками, жирдяями, безногими калеками и теми, кто еще даже не способен связать два слова. Запасы провианта кончались быстро, и взявший на себя роль главнокомандующего Валера заявил о первом набеге новой армии на ближайший городок.

Наступать планировалось в полночь, но из-за медленного темпа передвижения армия отбилась от графика на несколько часов и добралась до деревни почти перед рассветом. Но Валера не унывал. Он обещал, что как только вампиры пополнят свои запасы энергии, то смогут спокойно улететь, превратившись в летучих мышей. Себе же (как генералиссимусу) он взял в подмогу двух самых стойких новобранцев, которые должны были тащить его тушу по воздуху.

Такого нелепого нападения не было за всю вампирскую историю. Люди неспешно покидали дома без криков ужаса, громко зевая и насмехаясь над чудо-армией. В этой битве добра и зла было схвачено много заложников, в основном потери были среди вампиров.

Самый опытный боец Валера смог-таки найти пищу для своих друзей в доме престарелых и, учитывая потери, он восполнил ряды новыми стариками, а ещё хромыми и безногими. Когда первые лучи солнца окропили темное небо в кроваво-красный цвет, Валера дал команду быстро отступать.

Обратный полёт вампирской эскадрильи выглядел еще более плачевно, чем сам налет. Те, кто не имел конечностей, погибли еще до взлета. Вампирская сила хоть и могла вылечить катаракту, но давно забывшие, как это – видеть, старики врезались в столбы освещения и высокие дома. От младенцев пользы не было от слова совсем. Прорезавшиеся внезапно клыки вызывали боль, и те без конца рыдали.

До логова добралось лишь тридцать процентов боевого отряда. Сразу после набега они залезли в свои гробы, не вылезая из них целую неделю.

Наконец, у Валеры появились первые опасения по поводу собственного выживания, и он решил обратиться за советом к самому главному члену братии.

Влад Цепеш, он же граф Дракула, мирно спал в подземелье, листая в голове картинки, где он раз за разом насаживает на кол своих врагов, когда бетонная плита его саркофага была вандальным образом разбита.

– Кто посмел потревожить мой многолетний сон?! – взвыл древний вампир. И как только увидел нелепого жирного Валеру, понял, что проснуться стоило гораздо раньше.

– Ваше мертвейшество! – обратился Валера к главе рода.

– Кто ты такой? Где назначенная мною знать?

– Меня Валерой звать. Я новый руководитель предприятия.

– Ты-ы-ы??? – встревоженно протянул Дракула.

– Так точно! – отрапортовал толстяк.

Граф смотрел на военного начальника своей общины и, не понимая как такое возможно, надеялся, что всё еще спит.

– И что тебе нужно, Валера? – грозно спросил старейший.

– Моя армия сильна духом, но слаба телом. Есть какой-нибудь способ изменить положение?

– Сначала мне нужно взглянуть на эту армию! – граф не спеша вылез из пыльного саркофага и, очистив глаза от паутины, отправился вслед за генералиссимусом. Когда Граф попал в оборудованное им несколько веков назад логово, он готов был поклясться, что почувствовал сердечный приступ, хотя сердце его было мертво давным-давно.

Теперь высшее звено в пищевой цепочке представляли стонущие без причины калеки, брюзжащие старики, ревущие младенцы и неподвижные увальни.

– Что ты наделал?! – взревел Дракула. – Где мои бойцы?! Где ночной ужас?! Где всё то, что я создавал веками, чтобы нести страх и смерть?!

Валера пожал плечами и указал в сторону бойцов.

Граф рухнул на пол и схватился за голову. Это был полный провал.

Наконец, просидев на жестком камне несколько часов, он заговорил.

– Есть одно средство... – прошипел граф в никуда.

– Отлично! – захлопал в ладошки здоровяк, даже не подозревая, что вампир обращался не к нему. – Что за средство?

– Моя смерть.

– Что это значит?! Как это – смерть?

– Вот так! Если погибну я, вы все превратитесь в золу. Уж лучше так, чем этот позор, который не смыть и за тысячу лет.

– Взять его! – скомандовал Валера. Толпа недовампиров рванула в сторону главаря. Изголодавшийся граф откидывал врагов с одного удара. Он лупил их как котят и испытывал невообразимую радость. Когда не осталось ни одного боеспособного, граф и Валера сцепились в смертельной битве. Графа убивать было нельзя, зато Валеру – как раз плюнуть. Дракула уже представлял, как после убийства этого выродка начнется новая эпоха, и он обязательно наберет достойную армию. Разгоряченный этими мыслями, он со всей своей силы всадил острые как бритва клыки в шею Валеры.

Затянувшись как можно сильнее, Дракула надеялся испить крови своего нерадивого соплеменника, но почувствовал странный вкус. Он сосал и сосал шею, не позволяя скинуть себя здоровяку. И тут ему стало невыносимо плохо. Граф пошатнулся и отпустил хватку. Перед глазами всё плыло, он чувствовал, как сила покидает его тело. Оказалось, что Дракула так и не смог добраться до артерии, потому что клыки его сточились и уменьшились еще двести лет назад. Он схватился за горло, чувствуя, как омертвевший жир стекает по пищеводу в его желудок.

Валера испугался, ведь если Граф сейчас откинет копыта, то и его ждёт та же участь.

Он не знал, что делать, метался из стороны в сторону, аптечки на такой случай в логове не валялось. Не придумав ничего лучше, Валера врезался клыками в запястье Дракулы и принялся глотать древнюю кровь.

Через минуту всё было кончено. Дракула лежал на холодном полу и смотрел в потолок безжизненными глазами. Валера же остался жив. Он чувствовал невероятный прилив сил. Жирные руки и ноги стали невесомыми, голова ясной, а сил столько, что хоть целый город уничтожай.

Упырь-тяжеловес сцедил в емкость чудотворную кровь, выжав бывшего графа как лимон. Полученную жидкость он разбавил водой, чтобы эффект был чуть меньше, и влил в рот поверженным соплеменникам. Не прошло и пяти минут, как горе-войско снова встало на ноги. Вампиры с благоговением смотрели на своего лидера, чем возвысили Валерино эго до небес.

Новоиспеченный глава вампирского синдиката начал принимать еще более абсурдные решения, чем пугал своих сородичей, но при этом требовал четкого исполнения приказа.

Первое нововведение касалось питания. Теперь в основной рацион толстяков добавилась «диет-кровь» – микс из крови человека и свиньи, разбавленный томатным соком.

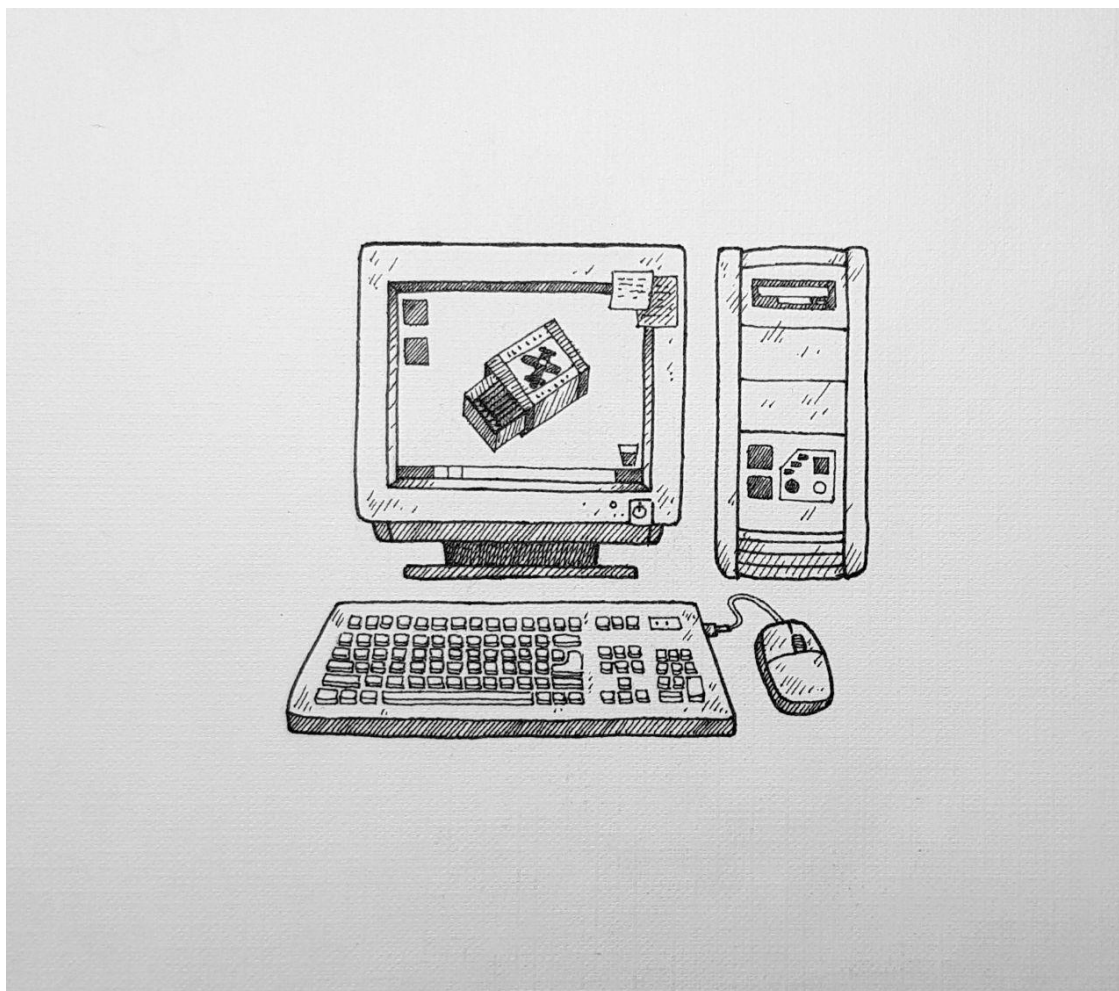
Безногим, беспалым, безглазым полагались льготы в виде посещения спортплощадок. По мнению Валеры, бег на длинные дистанции, кегельбан и игра в шахматы должны были помочь страдающим справиться с физическим недугом и укрепить боевой дух.

Для младенцев организовали детский сад, где мелкозубые кровопийцы отрабатывали приемы на ядовитых змеях и страдающих бешенством грызунах.

Через полгода интенсивных занятий и диеты войско Валеры не имело ни одного слабохарактерного и нетрудоспособного вампира. А всё потому, что большинство подчиненных погибли, либо сбежали от идиотских нововведений. Не признающий своих ошибок Валера остался в гордом одиночестве и, не придумав ничего лучше, улёгся в саркофаг бывшего хозяина, тело которого до сих пор никто не убрал из-за постоянных приступов лени.

Здоровяк уснул тысячелетним сном, надеясь познать во сне причины своих неудач, а заодно отдохнуть. Валера не привык двигаться много, а в последнее время он только и делал, что работал, каким-то чудесным образом похудев на пять килограммов.

Ветер перемен

В свой первый же рабочий день на спичечной фабрике Маша силой своего невероятно крутого нрава заставила уволиться главу производственного отдела, который пообещал юной бухгалтерше, что долго она на таком предприятии не протянет. С тех самых пор о Маше на

заводе говорили либо хорошо, либо ничего по двум причинам: яйца у Маши были крепче, чем у любого самого сурового слесаря, а слух такой, что любые сплетни о её персоне, распускаемые даже в мужском туалете, быстро доходили до её ушей. Бодаться с Машей было всё равно что с уголовным кодексом – ты ей слово, а она тебе приговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.